

РЫНКИ, ПРАВИТЕЛЬСТВА И ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ (Доклад XV Конгрессу Международной социологической ассоциации, Брисбен, 2002)

*МАРТИНЕЛЛИ Альберто – Президент Международной социологической ассоциации
1998-2002 гг., член Редакционного совета нашего журнала.*

Международные организации

В сегодняшнем мире есть развитая сеть международных правительственных организаций (МПО). Их число выросло в шесть раз в XX в. Число ежегодных конференций и конгрессов, поддерживаемых ими, превысило 400 тысяч. Система Объединенных Наций и другие автономные МПО, например, Всемирная торговая организация (ВТО), вместе с режимами международных договоров, далеко не мировое правительство

(Окончание. Начало см. «Социол. исслед.» № 12, 2002 г.)

(они ограничивают суверенитет стран-членов, но лишены монополии на легитимное применение силы), и тем более - демократическое мировое правительство. Но они содействуют мировому управлению и интеграции, повышая внимание к коллективным проблемам политики в экономике, экологии и социальной защите в отличие от

традиционного внимания к межгосударственным отношениям. Они также содействуют росту полиархии, умножают число акторов в глобальной политике, - главным образом через Совет Безопасности и агентства в сферах здравоохранения, продовольствия, охраны культурного наследия, промышленного развития, контроля над наркотиками и сохранения мира. МПО часто используются ведущими глобальными акторами в собственных интересах и целях, но они дают возможность и другим акторам быть услышанными, дают слово меньшинствам и поддерживают, по крайней мере, в некоторой степени, принципы, во имя которых их создавали – мир, развитие, права человека.

Эрозия национального суверенитета стимулирует потребность в международной координации, более мощной и демократической Организации Объединенных Наций. Система МПО весьма выросла количественно и качественно, претерпела крупные изменения, но в новом "пост-вестфальском" контексте она не выглядит адекватной реалиям мира. После XIX в. заключено множество многосторонних договоров для совместного регулирования или благ, не принадлежащих никому (всем), - открытое море, воздух, или действий, связывающих, интегрирующих людей и институты, принадлежащие разным государствам (транспорт, почта). Следующим шагом было создание международных институтов, выполняющих новые задачи общего интереса, - Международный Телеграфный союз (1865) или те, что создавала Лига наций (1920 г.), - Международный Суд. ООН создали в 1945 г. с более амбициозными целями, чем Лига наций: поддержание мира и международной безопасности, решение основных мировых проблем путем международного сотрудничества, содействие защите основных прав человека. Кроме специализированных бюро - Детский фонд ООН, Комиссия ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Программа охраны окружающей среды и др., ООН - центр сложной системы автономных специализированных институтов. Они существовали и прежде (Международная организация труда, Всемирный Банк). Но, главным образом, их создала сама ООН: Организация объединенных наций в области образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Международный валютный фонд (МВФ). Все они связаны с системой ООН, интегрированы в нее особыми договорами.

Система ООН создана для мира международных отношений суверенных стран путем компромисса между равной демократической представленностью государств в Генеральной Ассамблее, открыто и коллективно регулирующей международную жизнь, и "реальной политикой" силовых отношений, давшей право вето пяти великим державам, практически парализовавшее ООН в ряде важных случаев. Кроме того, поскольку легитимация и эффективность тесно связаны, чем менее сильна страна-член ООН, тем менее легитимной она считает ООН и тем больше уклоняется от передачи ООН части суверенитета по ключевым проблемам, например, защита окружающей среды и права человека.

Несмотря на эти ограничения и вопреки сложной процедуре переговоров, отсутствию ресурсов и праву вето, ООН результативна. Она дала альтернативные принципы глобального управления по сравнению с традиционной геополитикой. В их основе коллективное принятие решений правительствами и неправительственными организациями и цель - консенсусное решение международных проблем.

Системе ООН нужны серьезные реформы, чтобы стать эффективней и легитимней. Хартия ООН содержит предпосылки реформ, но все же остается выражением нерешенного конфликта двух альтернативных принципов мировых дел. Реформа нужна. Сегодня обсуждаются несколько предложений. Среди них создание Форума Глобального гражданского общества с правом голоса по определенным политическим проблемам для транснациональных акторов – кроме национальных государств; создание Ассамблеи Народов мира, избирающей вместе с Генассамблеей ООН Совет Безопасности. Достоинства этих предложений - развитие идентичностей, не связанных с национальными государствами, распространение демократических процедур голосования (выборы в Ассамблею Народов мира) на страны с авторитарными режимами.

Роль МПО на мировом рынке, - тех, что относятся к ООН (МВФ и ВБ), и связанных с ООН (ВТО), более спорна. Всемирный Банк гарантирует займы на инвестиционные проекты в инфраструктуре, энергетике, транспорте, развитии сельского хозяйства и промышленности. В последнее время речь идет об образовании, контроле над рождаемостью, развитии городов. Итоги противоречивы: предоставив значительную помощь таким странам как Индия, Бразилия, Мексика и Пакистан, Всемирный Банк в основном реагировал на мнение правительств США. Международный валютный фонд вмешивается в финансовые кризисы государств, предоставляет займы на условиях определенной экономической политики получателей займов. Линии МВФ в навязывании налоговой ортодоксии развивающимся странам содействует то, что немногие национальные государства столь компетентны или сильны, чтобы спорить с ним. Эти международные органы не контролируются регламентированными процессами, что имеет место в демократических государствах. Как показал Линдблум, они далеки от избирателей, но легко доступны корпорациям [1, р.241]. Аргентина, где МВФ, наряду с внутренней коррупцией, стал главной причиной кризиса, доказала, что направляемая МВФ политика отвечает интересам иностранных заемщиков и инвесторов, но не нуждам, чаяниям других социальных групп.

Особую позицию занимает Всемирная торговая организация, единственный транснациональный институт, обладающий силой принуждения в регулировании споров.

ВТО развилась из ГАТТ (Всеобщее соглашение о тарифах и торговле), расширив свою сферу с промышленных товаров на сельскохозяйственные, на услуги, интеллектуальную собственность, информационные технологии. ВТО, как ВБ и МВФ, критикуют за принятие решений под сильным влиянием мощнейших стран с их идеологией рыночного фундаментализма. С другой стороны, ее хвалят за поддержание стандартов коммерческого соперничества и вклад в рост экономики развивающихся стран.

Близки к МПО другие транснациональные регуляторы – режимы, устанавливаемые международными соглашениями, играющие все более влиятельную роль. Международные соглашения устанавливают прямые или косвенные принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений, вокруг которых концентрируются ожидания акторов в определенной предметной сфере международных отношений [2]. Это весьма разнообразные сферы: испытание ядерного оружия, частоты радиовещания, рыболовство в международных водах, орбиты спутников Земли. Некоторые из них можно считать функциональными эквивалентами рынков, поскольку они регулируют поставки и распределение товаров и услуг, содействуют росту институционализации глобальной политики, создают формы глобального управления, отличные от традиционной идеи национального суверенитета. Некоторые из них существуют длительное время, другие появились недавно. Что нового в них, так это их все возрастающее число и важность. Некоторые международные соглашения опираются на одну или несколько межправительственных организаций: глобальный режим международной транспортной системы, где ядро – Международная Ассоциация гражданской авиации и Международная ассоциация воздушного транспорта. Многие основаны на мягких договоренностях, возникших из конкретных договоров, коллективных проблем или межнациональной общности интересов. Так, режим нераспространения ядерного оружия выстроен на международном договоре, дополняемым регулярными международными конференциями. Один из специфических типов международных регуляторов - международный коммерческий арбитраж, организации, следящие за безопасностью и рейтингами акций, например, агентства «Мудиз» (“Moody’s”), «Старданд энд Пул» (“Standard and Poor”). Огромное число профессионалов-аналитиков во всем мире позволяет им сильнее влиять на политику конкретной страны, чем иностранные правительства или свои группы интересов.

Международные соглашения и устанавливаемые ими режимы содействуют образованию транснациональных общностей интересов и политических сетей, соединяющих чиновников в схожих правительственных департаментах с членами конкретных МПО и неправительственных организаций. Они создают систему «управления без правительства» [3]. В результате национальные правительства оказываются в расширяющейся сети глобальных, региональных и многосторонних систем управления. А юридические процессы и правотворчество конкретных стран все больше переплетены с международными правилами. Само существование соглашений о правах человека подразумевает атаку на суверенитет национальных государств и считается многими

правительствами вмешательством во внутренние дела.

Наконец, международные правительственные институты, подобные системе ООН или Всемирного Банка, содействуют интеграции мирового общества, применяя принцип власти к глобальному управлению, но, подобно транснациональным корпорациям и банкам, принимают важнейшие решения при незначительном демократическом контроле. Вопрос в том, как сделать их власть более легитимной, а принятие решений - подотчетным и прозрачным. Но как достигнуть демократического контроля над международными институтами? Едва ли с помощью выборов несколькими миллиардами людей с различными устремлениями и пониманием идеи мирового правительства в рамках реформированной ООН. Мировое правительство в настоящее время - утопия. Иное дело глобальное управление, как управление многослойное. Его можно осуществить путем диффузии политической власти над и под национально-государственным уровнем. Снизу это может быть наделение полномочиями самоуправляемых сообществ по принципу субсидиарности. Сверху – развитие региональных наднациональных правительств подобных Европейскому Союзу (ЕС).

ЕС - модель наднационального правительства.

В ситуации, когда мировое правительство - утопия и наличные международные правительственные и неправительственные институты лишь частично эффективны, ЕС и сходные типы наднациональных союзов могут стать заметным вкладом в глобальное демократическое управление. Ведь они создают механизмы сотрудничества в ряде политических сфер, вводят новые механизмы реализации прав человека, концентрируют ресурсы достижения общих целей путем добровольной передачи государствами-членами части своего суверенитета. Покажу это, поскольку считаю Евросоюз возможной моделью.

Первые пан-европейцы видели в интеграции Европы путь к окончанию долгой вереницы европейских войн и установлению демократии в противовес “анти-Европе” нацизма и фашизма: мир, а не война, свобода, а не угнетение, сотрудничество вместо агрессии и конфронтации. Это была и есть благородная, мощная цель, дающая рядовому гражданину, однако, эмоционально менее привлекательную мотивацию, чем единство против общего врага. Общий враг частично присутствовал в европейской интеграции после второй мировой войны. Советская угроза помогала этому прямо (синдром общего врага) и косвенно – содействуя благожелательности США. Но помимо того, что крупные коммунистические меньшинства в странах, подобных Италии и Франции, в холодной войне были на стороне СССР, после смерти Сталина советская угроза утрачивала

очевидность и способность вызывать сильные чувства идентификации.

В нынешнем строительстве Европы исходный военно-политический фактор заменен экономическим, рыночной интеграцией, - более нейтральным и более общим мотивирующим рядового гражданина фактором. Это привело к тому, что создать Европейское оборонительное сообщество не удалось и общая внешняя политика не стала приоритетом европейской интеграции – в том числе из-за особого статуса оккупированной Германии и гегемонии США в сфере влияния Запада. В то же время все больше акцентировались рыночная либерализация и согласованная экономическая политика.

Интеграция Европы шла неровно. Повторявшиеся кризисы преодолевались путем расширения ее, увеличения функциональной сферы кооперации и политической гармонизации – через Единый Акт, маастрихтское и амстердамское соглашения. ЕС был в большей мере исполнением плана просвещенных элит, чем массовых коллективных движений. Успех общеевропейского рынка получил поддержку большинства граждан стран-членов. Монетарный союз и единая валюта двинули вперед процесс интеграции. Но вопрос политического союза больше откладывать нельзя. Его надо двигать вперед с политическим и социологическим воображением, поскольку разные экономические и налоговые системы стран-членов парализуют действие. Фраза Мэдисона: «федерализируйте (federate) их кошельки, а их сердца и умы последуют за ними», - может быть и верна. Но нужны федеральные институты кроме нынешней координации политики национальных правительств и полная реализация голосования большинством в Совете Государств, чтобы уйти от риска паралича ЕС, расширенного до 25-30 стран-членов. Можно хвалить решение переноса функций, – таких как монетарная политика, - на более высокий уровень принятия решений некоторых стран, готовых отказаться от части суверенитета. Свершив это, Евросоюз сделал устаревшей концепцию суверенитета как неделимой, неограниченной, исключительной и вечной формы публичной власти, воплощенной в рамках индивидуального государства. Но недавно сформированному Конвенту (Convention), включающему представителей и парламентов и правительств стран-членов, придется уточнять компетенции и сферы ответственности на разных уровнях (федеральный, национальный, суб-национальный). Ведь передача функций правительства на более высокий уровень требует и передачи власти демократическим институтам наднационального государства, перемен, способных совладать с дефицитом демократии в институтах ЕС сейчас.

Сегодня спорят сторонники национальных государств и сторонники федеральной модели. Как и последние, я убежден, что народы Европы заинтересованы в превращении нынешней наднациональной общности в подлинно федеральный союз. Но

достичь этого можно медленно, шаг за шагом, начав с устранения единогласия при голосовании по крупным политическим решениям и передачи на уровень Евросоюза внешней и оборонной политики. Институциональное устройство должно включать компоненты федерального государства. То есть, кроме существующего Европейского Суда, нужны парламент с палатой, избираемой всеми гражданами ЕС, и второй палатой, члены которой назначены странами-членами, а также правительство, подотчетное парламенту и облеченное реальной возможностью принятия решений.

У плана федерального ЕС сильные оппоненты. С одной стороны, те, кто считают, что сегодня в Европе демократия может функционировать только на уровне национальных государств, так как нет ни европейского общественного мнения, ни европейского общественного пространства. С другой – те, кто считают, что европейское федеральное государство нецелесообразно, поскольку оно воспроизведет исключаящую установку нынешних национальных государств.

Думаю, последнее возражение можно опровергнуть, выяснив, какую модель политического союза следует принять. Она не может и не должна следовать исторической модели строительства нации, породившей нынешние национальные государства. Современная Европа лишена для этого базового компонента, - охватившего массы национализма на основе сильной национальной идентичности, как и включения элит в проект политической и военной гегемонии.

Если неприемлема традиционная европейская модель строительства нации, то же относится к американской модели «плавильного котла», хотя он и ближе нам. США называют «первой новой нацией». Она - модель успешного, хотя конфликтного, формирования единой нации путем интеграции миллионов иммигрантов с очень разными исходными культурно-социальными биографиями и характеристиками. Но интеграция в плавильном котле шла при гегемонии англо-саксонской либеральной, демократической, ориентированной на свободный рынок культуры. Она, встречая растущие вызовы, и сейчас доминирует в Америке. Американский федерализм, как и другие формы федерализма, например, в Индии, важный урок, но Европейскому Союзу нужен свой путь.

Модель ЕС должна быть специфической и новаторской, - институционально и культурно. Это должен быть наднациональный союз, где решения принимаются и органом, представляющим правительства стран-членов и регионов (реформированный совет глав государств и правительств), и органом, представляющим народы стран членов и регионов (реформированная Еврокомиссия, члены которой избраны

Европарламентом). Он должен также быть мультикультурной единицей с ядром общих ценностей – демократические институты, основные права человека, гражданская ответственность, мирное сосуществование со всеми народами Земли, свободная конкуренция, лежащие в фундаменте общих институтов, уважение разных культур, языков и наследия.

В этой модели единство достигается многообразием. Уже в древнегреческой философии есть понятие гармонии противоречивых элементов. Если постулировать единство в начале, последует тенденция возврата к утраченной исходной модели. Если, напротив, постулируешь разнообразие в начале, единство видится непрерывным усилием, проистекающим из конфликта и конкуренции, никогда не предопределенных.

Единство вызывает к жизни новое определение идентичностей, и у народов Европы, и у иммигрантов из других частей света, но не навязывает их отмену. Гражданам следует различать разные идентичности – город, регион, народ, наднациональная единица. Но признание множества культурных идентичностей в рамках единого государства может дестабилизировать национальное единство, поскольку меняется деликатный баланс между *ethnos* и *demos*.

Поэтому, хотя политическое объединение Европы нужно строить вокруг понятия единства, проистекающего из разнообразия, и множественного гражданства, в ходе строительства следует развивать и элементы традиционных национальностей, совместимые с мультикультурной наднациональной моделью. Рассмотрим с этой целью основные компоненты национальности как их определяют специалисты по этничности и национальности [4, 5]: *ethnos*, *logos*, *topos*, *ethos* и *epos*. Нельзя полагаться на *ethnos*, то есть – на этническое происхождение предков, поскольку это содействует закрытию, исключению, дискриминации и противоречит ядру ценностей ЕС. И на

logos

не слишком много надежд. Если брать за основу

logos

язык, граждан Европы не нужно принуждать говорить на одном языке, поскольку мультикультурализм – основная предпосылка уважения разных культурных идентичностей.

Topos

, символическая трансфигурация пространства проживания европейцев, в некоторых отношениях полезен. Реально существуют выраженные общие черты европейских городов, зданий, площадей, публичных и частных мест. Но это сопровождается столь заметной разницей в природных и человеческих ландшафтах, что его едва ли можно считать сильным элементом идентификации.

Остаются *ethos* и *epos*. Конечно, можно больше надеяться на этос – основное ядро ценностей, видение мира, практическое знание, определяющее европейскую идентичность, основные права и ответственности демократического гражданства, и на эпос – великие образы и события, свидетельства общеевропейского наследия в искусстве, науке, культуре. И *ethos* и *epos* должны быть базовыми компонентами образовательных программ последующих поколений, ориентируя действия СМИ и проявления публичного дискурса, чтобы создать реальное европейское публичное пространство, основанное на общей политической культуре, способной ориентировать выбор людей в вопросах общих забот. Более того, процессу создания союза помогут рост однородности социальной ткани Европы и расширение европейского публичного пространства. Усиление общей культуры, подчеркну это еще раз, не нужно рассматривать как средство исключения других. Скорее как необходимую базу диалога цивилизаций.

Если этот проект провалится, получит импульс теория, что национальные государства и впредь должны строиться или на однородной культуре или на культуре-гегемоне, способной интегрировать иммигрантов в «плавильном котле». Если же проект удастся, ЕС может стать моделью формирования в других регионах мира крупных наднациональных и мультикультурных союзов и тем самым внести значимый вклад в глобальное демократическое управление.

В любом случае, мы уже можем извлечь из опыта Европы несколько фундаментальных уроков формирования наднациональных союзов в других регионах мира:

1. способ начать – ряд межправительственных соглашений;
2. общие экономические интересы – более жизненный путь, чем военно-оборонительные цели. То есть, интеграция регионального рынка преодолевает логику конкурентных преимуществ, ведет к региональному валютно-финансовому союзу;
3. слияние суверенитета должно происходить путем добровольного отказа от части национального суверенитета национальных государств-членов союза;

4. моделью наднационального союза не может быть национальное государство;

5. единство должно основываться на разнообразии, а не достигаться за его счет. В то же время, его надо строить на определенной модели развития, такой как азиатская модель этнических сетей при логике рынка.

Показанные институциональные акторы могут считаться разными формами рынков и правительств, относящимися в основном, хотя и не исключительно, к принципам обмена и власти. Теперь о двух глобальных акторах, которых можно считать типами сообществ, относящимся к категориям солидарности и идентичности: международные коллективные движения и эпистемные сообщества. На первый взгляд, нелепо считать сообщества акторами и факторами глобальной интеграции, поскольку любое определение сообщества подразумевает критерии включения и исключения, "мы" против "них". Но характер обсуждаемых ниже сообществ в их нацеленности на формирование транснациональных сообществ и даже на глобальное государство и мировое гражданство - понятия, ставшие анафемой у неопопулистских национальных и локальных движений.

Международные коллективные движения

Принцип обмена власти, связанные с ним институты - мощные механизмы интеграции социальных систем и импульсы мотивов человеческих действий. Но их недостаточно. Требуется третий основной принцип, принцип солидарности. Хотя институциональных акторов, действующих по этому принципу, много, сосредоточусь на международных коллективных движениях и эпистемных сообществах.

Международные коллективные движения - наследники критических социальных движений, развивающихся на национальной почве – феминистские, экологические, антивоенные. Они мобилизуют транснациональные сообщества на сопротивление и солидарность, используя те же технологические ресурсы, которыми пользуются корпорации в контроле над рынками. Многие из них ориентированы на конкретную проблематику, но есть и общая координация. После Сиэтла общеизвестны картины анти-глобалистских движений, организующих параллельные саммиты глобального общества в то же время и в том же месте, что и крупные транснациональные институты, подобные МВФ или Большой Восьмерке. В январе 2001 г. проведен первый всемирный социальный форум в Порту Аллегре с 20 тысячами участников; через год намечен еще один такой форум.

Антиглобалистское движение, где сторонники протекционистского антиглобального рынка объединены с интернационально ориентированными экологистами, фактически довольно разнородная семья движений, объединяемая общим противником.

Антиглобалистское движение включает фермеров Франции и безземельных Бразилии, организации, выступающие за налогообложение международных финансовых транзакций. Здесь ассоциации, требующие списать долги бедных стран, Друзья Земли, группы, критикующие ТНК, сторонники трудовой и экологической политики, ряд религиозных групп, представители профсоюзов и левых партий. Хотя их сети – Сеть Третий мир, Сеть Лилипут, - сформированы для координации и совместных действий, налицо не только разница взглядов, но и конфликт интересов внутри движений, что показали фермеры ЕС, поддержав протекционизм, наносящий ущерб экспорту из бедных стран.

Хугвельт [6] рисует стратификацию глобального общества в виде трех концентрических кругов, пересекающих национальные границы и представляющих соответственно элиты (имеющие право принятия решений), довольных (в разной мере выигравшие от глобальных взаимосвязей) и маргиналов (те, кто исключен или платит за все это).

Антиглобалистские движения пополняются из этих трех групп – не только нежелающими нести бремя глобального рынка, но и теми, кто, хотя сами и не маргиналы, говорят от имени маргиналов, и теми, кто, используя блага глобализации, хотят их регулировать.

Некоторые международные коллективные движения целиком против глобализации. Другие, например, сторонники устойчивого развития, хотят ее приручить. Некоторые идентифицируют себя подчеркнуто локально, выступают за протекционизм и апеллируют к неопопулизму, отличаясь от ксенофобных партий лишь интернационалистской риторикой. Другие, наоборот, выражают универсалистскую планетарную идеологию, защищают права и делают заявления от имени исключенных и маргинализированных нищетой, болезнями, неграмотностью, информационным, компьютерным разделом. Такие движения можно определить как «этические». Их требования разнородны, поскольку они выражают озабоченность тем, что, кажется, грозит выживанию и достоинству человека. Они важные акторы глобального управления. Их воздействие умножают глобальные СМИ, сообщая об их протестах на саммитах. Но их легитимность не выше, чем у других глобальных акторов, а эффективность сдерживается отсутствием соответствующих демократических институтов и процессов на мировом уровне. Отсутствие демократического политического устройства фактически не дает им встать на путь движений протеста в демократических странах в борьбе за правовое, политическое и социальное гражданство.

Это не значит, что у современных антиглобалистских движений лишь экспрессионистский, не-инструментальный характер. Помимо конкретных целей (долги бедных стран, реформа ВТО и т.п.), они создали определенную политическую культуру, отвечающую необходимости выразить новые идентичности и определить новые коды и языки организации потока информации. Они выражают дух времени, критицизм против избытка материализма и концентрации богатства и власти на Севере мира, ведущей к бедности Юга. Протестом движут моральные ценности: социальная справедливость, охрана окружающей среды, права человека, демократическое участие. Они поднимают голос против эксплуатации, поскольку, пишет З. Бауман, «цена молчания оплачена твердой валютой человеческих страданий».

Как неопределенное движение, выросшее из многих политических и культурных значений и давшее им форму, антиглобализм стал альтернативой эстаблированной политике партий и традиционным социальным движениям, которые на деле более инструментальны. Последние тоже действуют в глобальной политике. Наряду с традиционными интернационалами, как Социалистический и Христианско-демократический, пытающимися координировать свое политическое поведение на аренах национальной и на международной политики, есть и транснациональные адвокатские сети [7], не преследующие политических целей, но стремящиеся дать конкретные результаты в конкретных ситуациях. Они выступают против нарушений прав человека, торговли детьми бедных женщин, социальных и экономических последствий строительства плотин, и т. д.

Международные научные ассоциации как эпистемные сообщества

Коллективные движения – не единственные общественные акторы мировой политики. Международные неправительственные организации (МНПО) и транснациональные сообщества – еще два их важных типа. Они играют свою роль в глобальном управлении. Кратко опишу это, концентрируясь на эпистемных сообществах как наиболее подходящем случае. Число МНПО выросло много больше, чем число международных правительственных организаций – от менее 300 в начале XX в. до нескольких тысяч сто лет спустя. Растущая социологическая литература описывает их истоки, функционирование, стратегии, влияние. Некоторые из них, например, «Международная амнистия», «Фонд дикой природы», «Гринпис» бросают вызов правительствам и пользуются поддержкой, выходящей за пределы государственных границ. Они представляют активные группы давления против глобальных решений, принимаемых лицами, неподотчетными крупным социальным группам. Другие менее заметны, но играют ключевую роль в международном сотрудничестве и формировании глобального

гражданского общества, публичного пространства. Многие МНПО обладают «мягкой» властью, и это притом, что в ряде внутривполитических вопросов, от прав человека до экологии, МНПО фактически движущая сила процесса принятия решений. Они втягивают граждан в коалиции, выходящие за пределы национальных границ.

Имеется растущая литература по социологии этой проблемы. Работы в основном касаются сообществ иммигрантов, культурно-этнических диаспор, идентифицируемых с культурами посылающих и принимающих национальных обществ и оказывающих сильное трансформационное влияние в направлении культурной гибридизации. Здесь же другие типы транснациональных сообществ, - например, мигрирующие элиты разных сфер: международные организации, транснациональные корпорации, профессиональный спорт, общественные агентства помощи нуждающимся. Эти элиты глобально образованы, могут работать везде, прямо связаны с глобальным уровнем, лишены представительства и подотчетности любому конкретному *демосу*. Они содействуют глобальной интеграции и управлению, помогают решать соответствующие проблемы.

Международные научные ассоциации среди тех неправительственных организаций и транснациональных сообществ, которые могут вносить максимальный вклад в глобальное демократическое управление по ряду причин. Некоторые из отмеченных ниже качеств свойственны всем международным научным ассоциациям, другие затрагивают конкретные социальные науки.

Первое. Большинство влиятельных глобальных акторов, например, правительства, межнациональные корпорации, религиозные фундаменталистские и националистические движения, подчиняют свои действия собственным интересам – росту силы или прибыли. Они стремятся навязывать свое мировоззрение. Международные научные ассоциации также действуют согласно своим интересам, пытаясь повысить в мире престиж и влияние конкретного профессионального сообщества: преподаватели, исследователи, конкретных дисциплинарных подгрупп: биологи, инженеры и др. Но ключевой принцип их действия – универсальные ценности. На этой базе ценят каждого по его/ее научным достижениям, педагогическим способностям, профессиональной этике, а не по гендеру, этничности, возрасту, стране.

Второе. Международные научные ассоциации могут эффективно противодействовать догматизму и фанатизму. В научной работе мы приучены сопоставлять гипотезы и точки зрения с разными, даже противоположными мнениями, подвергать такие взгляды честной оценке и по их логике и по эмпирической выверенности. Контекстуальный универсализм, - подход, пригодный и для межкультурных диалогов, - находит

многообразное применение в научных дебатах. В социологии и других сферах, конечно, возможны словесные войны сторонников и противников идиосинкразических «школ» с периодическими атаками и контратаками по поводу «империализма» конкретной парадигмы, поглощая много интеллектуальной энергии без заметного воздействия на теоретический процесс. Но в целом, дискурс науки в сущности антидогматичен и универсален.

Третье. Обычаи, требования дипломатии часто требуют от правительств и корпораций закрывать глаз или оба глаза в случаях нарушения основных прав человека. Международные научные ассоциации могут гораздо более откровенно и определенно защищать эти права - свободу мысли, слова, обучения, научного поиска. Авторитарные правительства, привыкшие игнорировать общественное мнение у себя дома, уязвимее при встрече с международными кампаниями протеста, усилившимися в век глобальных сетей.

Четвертое. Международные научные ассоциации, в целом, и обществоведческие, в частности, видимо лучше готовы, чем другие акторы, к совладанию с проблемами доминирующих культуры и языка в сегодняшнем мире. Как обществоведы мы лучше знаем, что язык – фундаментальный фактор идентичности, что наш язык ограничивает наше социологическое воображение и что нам нужно развивать понимание иных и иного. В докладе Международного социологического бюро констатируется: «признание роли языка в развитии индивидуальных и коллективных идентичностей должно быть приведено в соответствие с поиском социологией универсальности». И. Валлерстайн заметил: «мы обречены анализировать все в его противоречии как выражение одновременно и универсального и неискоренимо специфического (particular)» [8]. Значение компаративного метода в социологических исследованиях и базовый вклад историков и антропологов показали нам всем риски этноцентризма и укрепили нашу потребность в культурной гибридизации без утраты в наших поисках надежных обобщений социальных действиях, отношениях и структурах.

В

Пятое. Международные научные ассоциации в области социальных наук могут содействовать глобальному управлению путем обогащения публичного дискурса на мировом уровне, путем интеллектуально честного и умелого анализа различных измерений глобализации. Социальная наука всегда разрывалась между необходимостью свободы от ограничительных влияний мощных идеологий и групп интересов, с одной стороны, и поиском полезного знания, с другой.

Таковы наиболее значимые пути, которыми международные научные ассоциации вообще и те, что действуют в социальных науках, в частности, могут содействовать глобальному управлению и играть роль противовеса доминированию экономики и культуры. Но чтобы быть эффективными, эти ассоциации должны расти численно и развивать свои проекты и активность много шире, чем сейчас.

Фактически на заре третьего тысячелетия, хотя участие в ассоциациях социальной науки со временем выросло и стало более глобальным, инфраструктура, предназначенная для их поддержки, осталась слабее, чем созданное, прежде всего, для поддержки естественных наук. Меньше крупномасштабных международных программ. Самые важные: Международная Программа человеческих измерений в глобальных изменениях окружающей среды и Сравнительная исследовательская программа бедности, - начаты в 1980-е годы.

Сегодня нам нужен процесс развития, схожий с тем, что имел место после второй мировой войны, когда была создана ЮНЕСКО – при сильной вере в то, что развитие социальной науки и международного сотрудничества обществоведов может содействовать делу мира, социальной справедливости и человеческого достоинства. Формальная инфраструктура поддержки и развития международного сотрудничества в социальных науках, таким образом, получила тогда крупный импульс. Исходные цели Международной социологической ассоциации – сплочение обществоведов мира во имя усиления международного взаимопонимания, развития социальных научных знаний на благо человечества, содействие исследованиям в сферах, критически важных для установления мира во всем мире, - сегодня еще важнее. И эти цели далеко не достигнуты. Цели эти следует ставить в новые рамки контекста нынешней глобализации, характеризуемой напряженностью между ростом взаимозависимости в технологии, финансах, информации, с одной стороны, и продолжающейся фрагментацией обществ, культур, политической сферы, с другой.

Наша ассоциация может многое сделать для содействия созданию глобальных сообществ ученых, для развития истинно международных компаративных исследовательских проектов, содействия программам обменов профессорами и студентами, улучшения исследовательских и преподавательских возможностей в менее развитых странах, обучения различным языкам, культурам.

Факторы, способствующие и препятствующие мирной интеграции и демократическому управлению на мировом уровне

Ряд политических и культурных тенденций в современном мировом обществе негативно влияют на достижение цели демократического глобального управления, обрисованного выше. Во-первых, самые мощные акторы на мировой сцене обычно обращаются к делам общей значимости ради своих специальных целей и интересов. Это интересы того, в чем они видят свою опору. Для великих держав - это национальные интересы, выгоды и прибавление капитала - для ТНК, догмы веры - для фундаменталистских движений. А результат тот же: прежние неравенства и иерархии укрепляются, новые развиваются, базовые права человека нарушаются.

Во-вторых, стратегии международных организаций, – которые по определению должны иметь глобальные последствия – часто взвешиваются в пользу их самых сильных членов (члены Совета Безопасности или Большой восьмерки). Эти первые две тенденции порождают обвинения, что глобальное управление – план Запада с целью распространить западные ценности, законы и институциональные уклады, тем самым, поддерживая первенство самых богатых стран в мировых делах.

В-третьих, возникновение новых форм фундаментализма, агрессивного национализма, трайбализма, строящих идентичности людей на первобытных узах и догматах веры, подавляет рост демократического гражданства на национальном и на наднациональном уровнях. Сегодня в мире мы свидетели многих случаев извращения локальных идентичностей в смысле догматической закрытости, нетерпимости и предрассудков, - как реакция на глобальные тенденции. Фундаменталистские религиозные и догматические идеологические верования отрицают напряженность между культурными импульсами (messages) и специфическими культурными кодами, посредством которых распространяются импульсы, и претендуют на монополию импульсов, проповедуя нередуцируемые истины. Поступая так, они редуцируют диапазон импульсов, привязывают их к специфическому времени и пространству, делают межкультурный диалог невозможным.

В-четвертых, снижение участия в демократических политических структурах (polities) и доверия к демократическим процессам и институтам в развивающихся странах с представительными правительствами. Как показывают многие опросы общественного мнения, это снижает привлекательность демократии и затрудняет «экспорт» ее за национальные границы в развивающиеся страны с авторитарными режимами. Растут популярность неопопулистских форм формирования консенсуса, привлекательных многим проигравшим от процесса глобализации, упования на технократические элиты, привлекательных многим «выигравшим». Это сжимает

пространство демократического участия и подотчетности. Неопопулистские тенденции локального закрытия и ксенофобный страх перед другими народами и культурами нашли

новый импульс среди политических предпринимателей в ряде западных демократий, включая Францию, Австрию, Италию, Нидерланды.

В-пятых, живучесть авторитарных режимов, подавляющих гражданские права и политические свободы во многих развивающихся странах, не способствует усилению голосов за демократическую подотчетность на глобальном уровне. Авторитарные лидеры ряда развивающихся стран отвергают всякую критику их правления как неподобающие вмешательство извне и попытки навязать гегемонию Запада. Они также часто отвергают "формальные" правила демократии, ссылаясь на "сущностную" демократию собственных достижений в благосостоянии их народов. Фактически разделение властей, должный правовой процесс, многопартийность и электоральное соперничество, свобода слова и информации, - не проявления западного этноцентризма, а жизненные составные части демократической жизни. Их можно идентифицировать в разных исторических и культурных традициях, общих на уровне мира.

Наконец, благотворный цикл демократизации, имевший место в контексте национальных государств, едва ли воспроизводим на мировом уровне. В историческом опыте развитых стран рынки, правительства, сообщества взаимодействовали в формировании демократического управления и социальной интеграции. Как показано выше, суверенные государства оказались способными приручить и регулировать природные жизненные силы и болезненный ход капиталистического развития путем политики регуляции и перераспределения. Сегодня в глобальном мире нет эквивалента национального государства мирового уровня, чтобы проводить налоговую и социальную политику, антитрестовские законы, законы о труде и охране окружающей среды, направленные на регуляцию капиталистических отношений. Нет и демократического политического устройства на мировом уровне, где эксплуатируемые и обездоленные социальные группы могли бы в обмен на лояльность институтам демократии получить равные права правового, политического и социального гражданства и могли быть услышаны в своем выборе на важные политические посты, связанные принятием решений, конкурентов за голоса избирателей.

И все же проект космополитической демократии не невозможен. Основные факторы, способствующие этому проекту, таковы: 1. Рост осознания общности судеб, то есть наших общих человеческих и социальных прав, нашей общей уязвимости к глобальным экологическим, социальным, политическим кризисам, таким как бедность и безработица, болезни и загрязнение окружающей среды, терроризм и этнические

чистки, - и вытекающая отсюда необходимость найти общие решения и ответы, основанные на культуре диалога и сотрудничества.

2. Возникновение транснационального гражданского общества и международного публичного пространства, где международные научные институты играют важную роль. Здесь все женщины и мужчины учатся уважать и пытаются понять ценности и верования других без отказа от собственных. Скорее они критически оценивают и "переделывают" их в диалоге между цивилизациями. Этот межкультурный диалог требует двух основных методологических посылок:

- ослабить связь между этосом и этносом, между данной версией мира и практическим знанием, с одной стороны, и принадлежностью к конкретному сообществу судеб, с другой; и

- распространять само-рефлексивные действия и мышление (хотя выросшие в специфической культуре с ее нормами, институтами и практиками, сегодня больше индивидов имеют больше шансов быть ответственными акторами в становлении социальной реальности).

3. Распространение понятия множественного гражданства, путем которого разные переплетенные идентичности (локальные, национальные, региональные и космополитические) могут определять разные наборы прав и ответственностей.

- это понятие не означает, что возникающее мировое сообщество потребует от своих членов невероятно высокого уровня космополитической лояльности, заслоняющей все другие обязательства; но

- оно означает чувство общей идентичности, благодаря которому мы не будем безразличны к страданиям других, но скорее будем придавать интересам других то же значение, что нашим собственным или тех, кого мы любим; и

4. Рост культурной установки на контекстуальный универсализм, на плодородную,

неразрушительную встречу культур и приведение к обоюдному уважению различных культурных взглядов в направлении, разработанном такими авторами как Робертсон [9] и Бек [10].

Эти тенденции, растущие, хотя и весьма неровно, в свою очередь могут укрепить реально действующие процессы глобального управления и сделать возможными новые. Среди таких реально действующих процессов гармонизация национальных систем права в вопросах, регулируемых международными соглашениями или вытекающих из решений, принятых судами других стран; укрепление международных режимов; решение специфических проблем, подсказанных сетями профессиональных сообществ; международные стандарты добрых практик.

Среди новых институциональных процессов, образующих основные блоки строительства глобального управления, следующие:

- уточнение правил сосуществования, которые согласуются с разделяемыми всеми принципами (начиная с деклараций ООН по всеобщим правам человека), и процедур принятия решений, делающих процессы, имеющие глобальные последствия, подотчетными;
- артикуляция этоса сотрудничества, основанного на принципах прозрачности и подотчетности, на практике периодических консультаций с акторами, участвующими в принятии решений, имеющих глобальные последствия, и теми, кто окажется под их влиянием;
- развитие самоуправляющихся сообществ как альтернативных механизмов социальной и политической организации на уровне мира, что будет содействовать передаче власти индивидам и группам;
- укрепление международных режимов и наднациональных институтов управления на мировом уровне (через трансформированную Организацию Объединенных Наций) и на региональном уровне (через реформированный Европейский Союз и аналогичные политические образования в других регионах мира). Эти институты должны получить больше власти, ресурсов и независимости, чтобы избежать политического хаоса,

который в противном случае может вызвать перестройка соотношения суверенитета, власти государств и территориальности; и

- распространение, консолидация региональных наднациональных союзов, подобных ЕС, с механизмами усиления кооперации в публичной политике. Слияние ресурсов для общих целей путем добровольного отказа от части суверенитета национальных государств-членов союза.

Эти элементы могут содействовать продвижению «космополитического проекта» глобального управления [11], в котором центры и формы власти, ныне действующей вне демократического контроля, могут стать более подотчетными тем, кто окажется под воздействием их решений.

В мире, где растущее число базовых аспектов человеческих условий стремятся уйти от любой формы политического регулирования во имя императивов производительного роста и глобальной экономической конкурентоспособности и где демократическая политика ограничена национальным уровнем нескольких десятков национальных государств, глобальное управление сводится к нескольким «сторожам» (режимы регуляции, международные суды, рассеянные элементы международного *lex mercatoria* – торгового права), часто слабым и не очень легитимным (кто будет сторожить «сторожей»?). Нужно строить мировое гражданство и глобальную политическую систему (polity), подчиняющуюся демократическим правилам и институтам. Как озабоченные социальные исследователи, мы можем и должны сотрудничать в таком проекте.

Заключаю: впервые в истории люди поставлены в глобальные (в перспективе) социальные сети. Системы производства и рынки координируются на уровне мира. СМИ достигают своими посланиями массы людей во всем мире. Информатика позволяет взаимодействовать на расстоянии. Материальные и символические коммуникации означают сжатие времени и пространства. Но нет нормативного консенсуса, отвечающего всему этому и способного основать приемлемые для широкой общественности институты демократического глобального управления.

Социальный мир XXI века останется фрагментированным. В то же время институты и правила многослойного глобального управления будут расти вместе с ценностями

космополитической культуры. Роль эпистемных сообществ, подобных МСА, поддерживающих ценности контекстуального универсализма и критического само-рефлексивного знания, будет важнее, чем когда-либо.

(Перевод Н.В. Романовского)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Lindblom C.* The Market System. New Haven. 2001
2. *Krasner S.D.* Compromising Westphalia // International Security. 1995, V.20, No. 3.
3. Governance without Government: Order and Change in World Politics. *J. Rosenau, E. Czempel,* eds.
Cambridge. 1992.
4. *Smith A.* National Identity. L. 1991.
5. *Tullio-Altan C.* Ethnos e civiltà. Milano. 1995.
6. *Hoogvelt A.* Globalization and the Postcolonial World: the New Political Economy of Development L. 1997.
7. *Keck M., Sikkink K.* Activists Beyond Borders: Advocacy Networks in International Politics. Ithaca. 1998.

8. *Wallerstein I.* The West and the Rest. NY. 1998.

9. *Robertson R.* Globalization. Social Theory and Global Culture. L. 1992.

10. *Beck U.* Was ist Globalisierung? Frankfurt. 1997.

11. *Archibugi D., Held D., Kohler M.* Eds. Re-imagining Political Community: Studies in Cosmopolitan Democracy. Cambridge. 1998.